

Е. Н. Соколова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Словообразовательная система русского литературного языка в эпоху Киевской Руси была представлена широким спектром синонимических связей. Как справедливо отмечает Г. А. Николаев, „словообразовательная синонимия может быть рассмотрена с разных позиций и прежде всего как явление 1) словообразовательной системы языка и 2) текста. Оба этих аспекта связаны друг с другом, поскольку словообразование является одним из важнейших факторов стилистической организации текста” [Николаев 1986]. Явление словообразовательной синонимии возникло на основе взаимоотношения словообразовательных типов между собой, а стилистический оттенок приобрело за счет „попадания” в определенные текстовые условия, когда словообразовательный вариант изменял свое значение, становясь стилистически окрашенным. Словообразовательной синонимии свойственна „семантическая эквивалентность морфем” [ЛЭС 1990], при наличии разных словообразовательных средств.

Как известно, основные способы словообразования были усвоены древнерусским языком из языка общеславянского. К ним относятся: 1) способ суффиксации (*год-ин-а*, *гот-ьск-ьи* „Слово о полку Игореве”; *бож-ьск-ь* „Слово о законе и благодати”; *мудр-ость* „Моление” Даниила Заточника); 2) способ префиксации, являющийся наиболее продуктивным в системе древнерусского глагола (*при-ломити*, *вс-пети*, *ис-пити* „Слово о полку Игореве”; *по-хвалити* „Слово о законе и благодати”); 3) префиксально-суффиксальный способ (*не-люб-ь-е* „Слово о полку Игореве”; *без-ум-ь-е* „Моление” Даниила Заточника); 4) способ сложения основ (*добросердие* „Моление” Даниила Заточника; *благоверие*, *правоверие* „Слово о законе и благодати”) и нек. др.

Изучение вопросов, связанных с научным описанием древнерусского словообразования было начато еще с середины XIX в. [Павский 1850; Будилович 1877; Буслаев 1881; Потенбя 1899 и др.]. В XX в. различные аспекты исследования древнерусского словообразования и словообразовательной синонимии в письменности старшей

поры представлены в трудах многих лингвистов. Среди них: (С. П. Обнорский [Обнорский 1960], В. В. Виноградов [Виноградов 1978], Ю. С. Азарх [Азарх 1974], В. Г. Барановская [Барановская 1974], В. В. Колесов [Колесов 1990], М. Я. Блох, Н. В. Данчеева [Блох, Данчеева 1983], Г. А. Николаев [Николаев 1986], М. Л. Ремнева [Ремнева 1991], Р. В. Железнова [Железнова 1991], Т. Н. Трошкина [Трошкина 1992], Л. А. Шарифуллина [Шарифуллина 1992] и мн. др. В качестве источников для анализа явлений словообразовательной синонимии исследователями привлекались лексикографические издания, отдельные тексты церковного, светского и делового характера. В этой связи, научное направление, в рамках которого осуществлялось постижение словообразовательного пространства древних текстов, не может считаться областью абсолютно не разработанной. Вместе с тем можно выделить целый ряд аспектов, который требует дальнейшего рассмотрения. Одним из таких аспектов является проблема стилистической синонимии в области древнерусского словообразования, когда первостепенную значимость приобретает обращение к тем условиям, при которых могло осуществляться специфическое употребление слова. „Очевидно, что жизнеспособность слова определяется наряду с его семантическими возможностями также индивидуальностью употребления. Именно индивидуальность слова предстает как один из важнейших моментов лингвистического исследования, ибо специфика любого языка создается не только, а возможно, и не столько категориями, поддающимися обобщению, сколько характеристиками, свойственными отдельному лексическому элементу” [Михайловская 1980].

Особые условия функционирования слова в тексте создавала в эпоху Киевской Руси диглоссийная ситуация, проявляющаяся в существовании двух языковых систем (книжной и некнижной) в рамках одного языкового коллектива, которые находились в отношении дополнительного распределения [Успенский 1994]. Такими языковыми системами в Древней Руси XI—XIII вв. были церковнославянский язык и русская разговорная речь. Проблема их взаимовлияния и соотношения может являться существенно важным звеном при трактовке различных языковых особенностей древних текстов.

В рамках данной статьи в качестве источников исследования нами целенаправленно избраны различные по жанру и стилю произведения, в которых наряду с выявлением специфики смыслового содержания, представляется возможным выделить некоторые стилистические особенности употребления словообразовательных синонимов, имеющих отношение к церковнославянской, книжной и художественно-литературной языковым системам. Особую значимость приобретает в таком случае некий контрастный фон, создаваемый различными в языковом отношении и в отношении индивидуально-авторской манеры повествования текстами древней письменности, на котором рассматриваются изучаемые языковые единицы.

„Слово о законе и благодати” митрополита Илариона — памятник церковной литературы, подчеркнуто религиозный, отмеченный торжественностью ораторского красноречия. В языковом отношении — архаичный и единообразный.

„Моление” Даниила Заточника и „Слово о полку Игореве” — памятники светского содержания, причем „Моление” — это образец народной мудрости, хвалебная песнь князю; в языковом отношении — текст смешанной структуры, в котором уживаются архаичные элементы и разговорные вставки. „Слово о полку Игореве” — гениальное творение XII в., высокохудожественная воинская повесть, призывная песнь к единению Руси. Специфика языка „Слова” заключается в богатстве и гармоничном использовании различных по структуре и функциям языковых средств.

Смешение языковых элементов, в первую очередь, церковнославянских и собственнорусских, в пределах одного текста объясняется языковой установкой пишущего, в результате чего происходит смена языкового кода. Именно таким образом осуществлялся своеобразный переход с одной языковой системы на другую. Языковая установка зависела от целого ряда причин: мировоззренческих позиций древнерусского автора, тесно связанных с религиозными представлениями; темы повествования; авторского замысла, нацеленного на осуществление определенных художественных задач. При этом важно также учитывать фактор объективности-субъективности повествования. Когда автор излагал мысль объективно и всеохватно, что, как правило, относилось к общественно-сакральной сфере жизни, язык фрагмента был книжным; если же автор вел речь о событии, выражая к нему личностное отношение, следовательно, и язык был разговорным.

Для периода XI—XIII вв. характерна тематическая обусловленность в применении языковых средств. Изначально почитаемыми в сознании древних славян являлись темы бога, религии, нравственности, и говорить о них возвышенно и торжественно было актуально и жизненно необходимо. Не последнюю роль в отборе языковых средств (к которым могут быть причислены и словообразовательные синонимы) играл авторский замысел, когда сознательное употребление конкретных слов определялось идейным содержанием памятника.

Обратимся к рассмотрению некоторых словообразовательных синонимов в изучаемых текстах.

1) *Буиство — буеть*

Старославянизм *буиство* (суффикс *-ство*) в значении „смелость, дерзость” употребляется в выражении: *Олеѣ и Святъславѣ тьмою ся поволокоста и въ море погрузиста, и великое буиство подасть Хинови*

(20). Древнерусизм *буесть* в значении „храбрость, отвага, ярость в битве” используется в контекстах: Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ *буести* закалена (20), Высоко плаваеши (Роман и Мстислав) на дело въ *буести*, яко соколь на ветрехъ ширяся, хотя птицю въ *буистве* одолети (21).

В последнем примере словообразовательные синонимы употреблены для разнообразия.

2) *Въспети* — *пети*

Глагол *въспети* (старославянская приставка *въс-*) употребляется в „Слове о полку Игореве” в значении „запеть песнь о каком-либо событии, прославляя что-либо, кого-либо” в контекстах: ...*чи ли въспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: Комони ржуть за Судюю — звенить слава въ Кыеве...* (16), *Се бо Готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня Рускымъ златомъ* (20). Глагол *пети* употребляется в нескольких значениях; он был семантически шире, чем глагол *въспети*. *Девуци поють на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева* (25). Здесь *пети* употреблено в значении „исполнять голосом музыкальное произведение”. *Пети было песне Игореву, того внуку: Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая* (16), *Ту Немци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря* (19), *Се бо Готьскыя красныя девы... поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю* (20). В указанных фрагментах глагол *пети* употребляется в значении „славить, прославлять в песнях”.

В значении „о пении птиц” глагол *пети* используется в контексте: *Тогда пуцаишетъ і соколовъ на стадо лебедей: которыи дотечаше, та преди песне пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу...* (15). Переносно глагол *пети* употребляется в значении „звенеть, стучать”: *Сею бо ныне слыша стязи Рюриковы, а друзии Давидовы: нъ розно ся имъ хоботы пашуть копия поють* (23).

3) *Девуца* — *девка*

Словообразовательный синоним *девуца* употребляется в „Слове о полку Игореве” в бытовых и разговорных фрагментах: *На седьмом веце Трояни врѣже Всеславъ жребии о **девуцю** себе лобу* (22), *И рече Гзакъ къ Кончакови: Аще его опутаеве красною **девуцею**, ни нама будеть сокольца, ни нама красны **девуце**...* (24), *Девуци поють на Дунай — вьются голоси чрезъ море до Киева* (25).

„Исследователи считают, что выражение ‘...врѣже Всеславъ жребии о **девуцю** себе лобу’ — аллегорично: под словом *девуца* надо понимать Киев. В основу же самой аллегории положен образ сватов-

ства. Этим и объясняется выбор синонима *девица* как более стилистически нейтрального. В диалоге половецких ханов Кончака и Гзы (Гзака) „... синоним *девица* включается также для создания поэтической аллитерации (созвучие согласных звуков: соколца — дивицею — птицы — Половецкомъ)” [Виноградова 1985].

Синоним *девка* отличается от двух других разговорно-бытовой окраской. Употребляется в „Слове” один раз в контексте: *Съ зараня въ пятъкъ потопташа поганяя плъкы Половецкыя и рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты* (17). Причина выбора автором синонима *девка* заключается в том, что он был семантически шире. *Девка* — это не только „девушка”, но и „молодая женщина, дочь”. В примере, где речь идет о захваченных русскими половецких вежах, указывается на молодых женщин и дочерей половцев. Поэтому синоним *девка* наиболее точно отражает реальность.

Нейтральный морфологический дублет *девица* избран и Иларионом: *И сьниде съ нбсе въ оутробу двци въходя приатъ же и двца съ поклонянием...* (80), *и въплотися отъ девице чисты безмужны и бесквернены..* (84), *да еже целование архаггль дастъ двци* (97).

4) *Животъ — жизнь*

Словообразовательная синонимичная пара употребляется в „Молении” Даниила Заточника и „Слове о законе и благодати”. В „Молении” слово *животъ* в значении „жизнь, существование” используется в контексте: *Лепше смерть, ниже продолжень животъ в нищети* (390). В значении „имущество, богатство” — во фрагменте: *И рассыпая животъ мои, аки ханаонскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона* (388).

Нейтральным по употреблению был старославянизм *жизнь* („существование, бытие”), используемый в бытовом фрагменте: *Утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить* (396).

Оба слова имеют значение „жизнь”, с тем лишь отличием, что словообразовательный синоним *жизнь* во всех случаях определяется каким-нибудь прилагательным, и образуемое словосочетание приобретает образное понимание явления. Ср.: *въводя а въ обновление пакыбытия въ жизнь вечноую* (78), *истина же и блгдть слоуга боудущему вешу жизни нетленней* (79), *и пути ведуцааго въ живот не вдушемъ къ сему же...* (89), *посла гъ и къ намъ заповеди ведуцаа въ жизнь вечную...* (89), *нъ другъ друга и всь животъ нашъ тому предаемъ* (90), *Лепо оумрети веровавшу въ хса живота всемоу миру* (98).

В эпоху XI—XIII вв. каждый памятник письменного языка характеризовался в жанрово-стилистическом отношении своим набо-

ром синонимических средств, в том числе и словообразовательных синонимов. У создателей текстов, отлично владеющих нормами древнерусского литературного языка, возможно, существовала своя „стилистическая схема” когда из „пучка” синонимов избирался тот или иной вариант в зависимости от темы, цели изложения и иных причин.

Выявление стилистических оттенков в употреблении словообразовательных синонимов в составе литературно-художественных текстов старшей эпохи позволяет осмыслить, каким образом мог производиться целенаправленный отбор языковых средств древними авторами, средств, наиболее подходящих для выражения сложнейших содержательных нюансов произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх Ю. С. *Из истории именного словообразования (слова женского рода на -нь)* // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 3—22.
2. Барановская В. Г. *Глаголы с приставкой въз- в древнерусском языке XI—XIV вв.* // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 122—137.
3. Блох М. Я., Данчеева Н. В. *Стилистический аспект грамматической формы: К проблеме оппозиции замещения* // Филологические науки. 1983. № 3. С. 54—62.
4. Будилович А. С. *Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения*. Киев, 1877. С. 3—38.
5. Буслаев Ф. И. *Историческая грамматика русского языка*. СПб., 1881. С. 30—136.
6. Виноградов В. В. *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка* // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 65—113.
7. Виноградова В. Л. *Лексическая синонимика в „Слове о полку Игореве”* // Русский язык в школе. 1985. № 1. С. 60.
8. Железнова Р. В. *Имена существительные с суффиксом -ець- (-ьць-) со значением лица в древнерусском литературном языке XI—XVII вв.* // Лексические группы в русском языке XI—XVII вв. М., 1991. С. 169—181.
9. Колесов В. В. *Принцип парного соединения близкозначных слов в древнерусских литературных текстах* // Исследования по истории и диалектологии русского языка. Алма-Ата, 1990. С. 3—11.
10. *Лексика и фразеология „Моления” Даниила Заточника* / Под ред. Е. М. Иссерлин. Л., 1981. 232 с.
11. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 446.
12. Михайловская Г. Н. *Системные связи в лексике древнерусского книжнописьменного языка XI—XIV вв.* М., 1980. С. 128.
13. *„Моление” Даниила Заточника. Древнерусский текст (адаптированный)* // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XII в. / Сост. и общ. ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева. М., 1980. С. 388—399.
14. Николаев Г. А. *Словообразовательная синонимия имен существительных в русском литературном языке XI—XIV вв.* // Проблемы исторического языкознания. Вып. 3. М., 1986. С. 137.
15. Обнорский С. П. *Избранные работы по русскому языку*. М., 1960. С. 70—94.
16. Павский Г. П. *Филологические наблюдения над составом русского языка*. СПб., 1850. С. 8—195.

17. Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. Т. III. Харьков, 1899. С. 45—605.
18. Ремнева М. Л. *О грамматической норме языка книжнославянской и деловой письменности Древней Руси* // Филологические науки. 1991. № 2. С. 53—61.
19. *Словарь-справочник „Слова о полку Игореве”* / Сост. В. Л. Виноградова. М.-Л., 1965. Вып. 1; Л., 1967. Вып. 2; Л., 1969. Вып. 3; Л., 1973. Вып. 4; Л., 1978. Вып. 5; Л., 1984. Вып. 6.
20. „Слово о законе и благодати”. *Древнерусский текст (адаптированный)* // Молдован А. Н. „Слово о законе и благодати” Илариона. Киев, 1984. Первая редакция „Слова”. (Список С-591) С. 78—100.
21. „Слово о полку Игореве”. *Древнерусский текст (адаптированный)* // Словарь-справочник „Слова о полку Игореве” / Сост. В. Л. Виноградова. М.-Л., 1965. Вып. 1. С. 15—25.
22. Срезневский И. И. *Словарь древнерусского языка*: В 3 т. М., 1989.
23. Трошкина Т. П. *Стилистическая функция производных прилагательных в истории русского языка* // История русского языка. Казань, 1992. С. 102—110.
24. Успенский Б. А. *Краткий очерк истории русского литературного языка, XI—XIX вв.* М., 1994. С. 4—20.
25. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.
26. Шарифуллина Л. А. *Грамматическая синонимия форм прошедшего времени глаголов на -нуть в древнерусских памятниках XI—XIII вв.* // История русского языка. Казань, 1992. С. 110—117.